

DOI: 10.15393/j9.art.2020.8362

УДК 821.161.1.09“18”

Н. Н. Старыгина*Поволжский государственный технологический университет
(Йошкар-Ола, Российская Федерация)*

starigina@yandex.ru

Христианская семантика рассказа «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова

Аннотация. В статье раскрывается христианский смысл рассказа «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова. Предназначенный для детского чтения рассказ уникален способностью открывать новые смысловые горизонты, благодаря чему произведение интересно для читателя любого возраста. Сюжетообразующий мотив «спуститься, чтобы вознестись» можно интерпретировать как мотив духовного возрождения (или исцеления). Герой-рассказчик воспроизводит историю душевной борьбы главного героя, смысл которой раскрывается в контексте христианского учения о душевном устроении. В рассказе сформирована система христианских мотивов (греха, прощения, возвращения блудного сына, встречи с Богом, сердца и др.), обозначенных точными указаниями и аллюзиями на библейские сюжеты, образы и символы. В мотивном комплексе лесковского рассказа органичны традиционные для рождественско-святочной прозы мотивы чуда, учительства, порога, встречи, гостя, пути, дома. Создавая образ Христа, писатель выявляет Его божественные свойства с помощью многочисленных символов: «белая рука», «перст Божий», свет, чаша, свеча, рождественские ясли, обитель и др. В контексте христианского содержания символический смысл приобретают бытовые мотивы семьи, дружбы, чтения, поколений и др., обыденные события (строительство дома, празднование Рождества Христова, чтение книг, поездка и др.). В бытовой повседневной жизни героев проявляется духовная реальность. Лесков учит своего читателя видеть духовный мир за привычными бытовыми явлениями, событиями, отношениями.

Ключевые слова: Лесков, текст, христианство, читатель, внутренний мир, символика, мотив, сюжет, образ

Об авторе: *Старыгина Наталья Николаевна* — доктор филологических наук, профессор кафедры философии, Поволжский государственный технологический университет (пл. Ленина, 3, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация, 424000)

Дата поступления: 03.02.2020

Дата публикации: 25.05.2020

Для цитирования: Старыгина Н. Н. Христианская семантика рассказа «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 2. — С. 238–259. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8362

Небольшой рождественский рассказ Н. С. Лескова «Христос в гостях у мужика» впервые напечатан в журнале «Игрушечка» (1881, № 1)¹. Публикация рассказа в детском издании и посвящение «христианским детям» позволяют рассматривать его как произведение, адресованное детям. Но парадокс в том, что рассказ настолько насыщен сложнейшими христианскими темами, мотивами, образами, символами, концептами, что вряд ли маленький читатель сможет в полной мере постичь глубину его содержания. Даже несмотря на то, что писатель формирует «контекст понимания», создавая единое социокультурное пространство, когда автор, герои и читатели-дети принадлежат к одной религии, одному типу культуры и типу ментальности — христианскому, православному². Глубина и полнота понимания лесковского текста зависят от индивидуального «контекста понимания», обусловленного уровнем культуры и образованности читателя. («Контекст всегда персоналистичен» [Бахтин, 1979: 370].) Сам же текст демонстрирует способность к «бесконечному диалогу, где нет ни первого, ни последнего слова» [Бахтин, 1979: 370].

Основной темой произведения является история духовного исцеления Тимофея Осипова (Осиповича), рассказанная его другом, «старым сибиряком». Своеобразие истории в том, что речь идет о человеке набожном, воцерковленном, молитвеннике и знатоке священных текстов, о чем свидетельствуют многочисленные факты, приведенные рассказчиком. Например: «... вместе книжки читаем и о вере говорим, как по святой воле Божией жить надо, чтобы образ Создателя в себе не уронить и не обесславить»³. Вместе с тем рассказчик сообщает, что неоднократно наблюдал проявления душевного беспокойства Тимофея Осиповича. Выясняется, что причиной этого была обида на дядю-попечителя, который растратил все его состояние и совершил другие преступления.

Обида, гнев и желание отомстить определяют душевное состояние героя на протяжении многих лет жизни. Лесков точно изображает внутренний мир персонажа: «в душе у него обида кипела» (100); «Вспомнит свою обиду, или особенно если ему хоть одно слово про дядю его сказать, — весь побледнеет и после ходит смутный и руки опустит. Тогда

и *читать не хочет*, да и в глазах вместо всегдашней ласки — *гнев горит*» (100); «он в таком *омрачении*»; «к *обиде* такую прочную память хранит»; «он *зло* помнит» (101); «на дядю своего столь *гневен*» (102); «Тимофей выслушал меня и *сильно* сжал мне руку, но обширно говорить не стал, а сказал кратко: — Не могу, оставь — мне *тяжело*»; «Знал, что у него *болит*»; «он *страдает*»; «Спасет Господь моего друга от *греха гнева*» (103) (курсив мой. — Н. С.) и т. д.

Создавая психологический портрет, писатель использует приемы внешнего психологизма, когда о чувствах героя свидетельствует его поведение (нет желания что-то делать, даже читать; замкнутость, порывистость движений, молчаливость) и выразительные портретные штрихи («руки опустил», бледное лицо, «омрачился»). Важную роль играют краткие высказывания Тимофея («мне тяжело» и др.).

Психологический портрет включает точку зрения рассказчика, который сочувствует другу⁴, но характеризует его душевное состояние как верующий человек, указывая на «грех гнева».

Согласно христианскому учению, грех «по отношению к душе человека — духовная смерть вследствие лишения благодати Божией, оживлявшей ее высшей духовною жизнью, и повреждение всех сил духовной природы человека или помрачение в нем образа Божия»⁵. Душа человека, поработенного греховной страстью, отдаляется от Бога и лишается Божьей благодати. Ее ждет гибель. Именно поэтому душа Тимофея Осиповича «болит» и «страдает».

Своего рода знаком лишения благодати Божией является то, что Тимофей Осипович воспринимает учение Христа умозрительно:

«Святое Писание знает и хорошо говорить о вере умеет, а к обиде такую прочную память хранит. Значит, его *святое слово не пользует*» (курсив мой. — Н. С.)» (101).

В тексте сформирована оппозиция «ум—сердце» (или «умозрительное—душевное», «рациональное—эмоциональное»). На это противопоставление проецируется оппозиция «Ветхий завет—Новый завет» (см.: [Есаулов: 28–45]). Оправдывая свой «грех гнева», Тимофей Осипович не только убежден в том,

что преступления дяди нельзя ни забыть, ни простить («Я его в жизнь не прощу» — 102), но и находит оправдание своему греху в священных книгах:

«А он мне опять напоминает, что я слабже его в Писании, и начинает доводить, как в Ветхом Завете святые мужи сами беззаконников не щадили и даже своими руками заклали⁶. Хотел он, бедняк, *этим совесть свою передо мной оправдать*» (курсив мой. — Н. С.)» (102).

Смысл оппозиции «Ветхий завет—Новый завет» разъясняет рассказчик:

«Однако скажу тебе: в Ветхом Завете все ветхое и как-то рябит в уме двойственно, а в Новом — яснее стоит. Там надо всем блистает “Возлюби, да прости”...»⁷ (102).

Таким образом, душевное состояние главного героя рассказа «Христос в гостях у мужика» определяется обидой (ключевым в его описании является слово «обида») и желанием мщениия, гневом и озлобленностью. В контексте христианского учения о душе человека душевное состояние Тимофея Осиповича может рассматриваться как «противоестественное» или как «страстное расположение души».

В соответствии с христианской антропологией человек формируется как личность, сохраняя в душе на протяжении земного пути образ Бога. Безличность человека означает забвение им Божественного образа (лика). По словам святителя Филарета, митрополита Московского, «образа Божия можно искать: а) в существе человеческой души, духовном и бессмертном; б) в силах и способностях души. Амвросий, Августин и Дамаскин находят образ Св. Троицы в памяти, разуме, воле или любви; в) в соединении души с телом. Душа в теле, подобно тому, как Бог в природе, будучи невидима, вся во всем присутствует, действует в нем, оживляет его, правит им и сохраняет его; г) в отношении человека к миру»⁸. От сил и способностей души зависит устройство земной жизни человека.

В христианской антропологии выделяются три типа душевного строя.

Первый — естественный строй души, то есть Богом данная способность «ощущать» и «жаждать» (Пс. 41) Его. Естественное

боговедение проявляется в способностях души: памяти (отражение божественной истины в сознании и душе человека), разуме (ведение добра и зла, пользы и вреда, красоты и безобразия), воле (возможность выбора между добром и злом, пользой и вредом).

Второй тип душевного устройства — страстное расположение души, проявляющееся в развитии особых склонностей души — страстей. Страсть есть страдание, а по отношению к душевной жизни — страдание духа, порабощаемого каким-либо желанием или идеей. Развитие страстей деформирует душу человека. Страстное душевное состояние — результат грехопадения человека, оторвавшегося от живого общения с Богом⁹. Человек занят тварным существованием (то есть он охвачен желанием овладеть кажущимся земным благом) или самим собой, своими идеями, идеалами, переживаниями, чувствами (любовь как страсть, поклонение идолу, сотворение земного идеала, сосредоточенность на своем переживании и пр.)¹⁰.

Третий тип душевного состояния — «устремленность к Богу». Началом этого процесса становится обнаружение и осознание собственной греховности, заставляющее человека встать на путь спасения души, что предполагает покаяние, преодоление страстей и исцеление.

Преподобный Исаак Сирий сформулировал учение о душевном устройстве человека следующим образом: «Естественное состояние души есть ведение Божиих тварей, чувственных и мысленных. Сверхъестественное состояние есть возбуждение к содержанию пресущественного Божества. Противоестественное же состояние есть движение души в мятущихся страстями»¹¹. Епископ Варнава (Беляев) выделил три степени «духовного ведения, или, что то же самое, познания Бога: противоестественное, естественное и сверхъестественное»¹².

Страсть Тимофея Осиповича — обида и желание мщеника. Эти чувства порабощают его дух, разрушают душу, придают умозрительный характер его общению с Богом.

Однако в жизни героя рождественского рассказа случилось чудо, благодаря которому он осознал грех, раскаялся и вступил на путь духовного исцеления:

«Тимофей как увидал это, вскричал:
— Господи! Вижду и приму его во имя Твое, а Ты сам не входи ко мне: я человек злой и грешный...» (108);

«...Тимофей стал навсегда мирен в сердце своем» (курсив мой. — Н. С.) (109).

Религиозный опыт героя рассказа убеждает: «Религиозное откровение должно быть воспринято сердцем и сердечным созерцанием» [Ильин, 1993а: 104]. (Ср.: «О вере позволительно говорить только там, где истина воспринимается глубиной нашей души; где на нее отзываются могучие и творческие источники нашего духа; где говорит сердце, а на его голос отзывается и остальное существо человека; где снимается печать именно с этого *водного ключа* нашей души, так что воды его приходят в движение и текут в жизнь» [Ильин, 1993б: 43].) Закономерно, что в рассказе «Христос в гостях у мужика» сквозными являются мотив и образ сердца.

Лесков, воспроизводя историю духовного возрождения героя, строго соблюдает последовательность преодоления страстного расположения души: осознание греховности, раскаяние¹³, преодоление страсти, исцеление и спасение души. Данная логика реализуется в христианском мотиве «спуститься, чтобы вознестись», который часто рассматривают как универсальный пасхальный мотив. Вместе с тем он может интерпретироваться и как рождественский мотив возрождения души.

В рассказе Лескова мотив «спуститься, чтобы вознестись» является сюжетообразующим. Он поддерживается христианскими мотивами греха, прощения, раскаяния, спасения. С ним соотносятся рождественско-святочные мотивы чуда, порога, пути, судьбы, испытания; а также мотивы, раскрывающие жизнь души: мотивы сердца, совести, покоя, гнева, обиды, гордости, мести и др.

Некоторые из перечисленных мотивов составляют «оппозиции». Например, мотив мести противостоит мотиву прощения, мотив покоя — мотиву душевного смятения, мотив греха — мотивам раскаяния и очищения, мотив гордости (гордыни) — мотиву смирения. Оппозиционными являются также мотивы суда Божьего и суда человеческого.

Сквозным мотивом в рождественском рассказе Лескова является мотив чуда¹⁴, что характерно для этого жанра.

Начало развития мотива — в названии рассказа и в предисловии героя-повествователя, подтверждающего факт чудесного события: «Настоящий рассказ о том, как сам Христос приходил на Рождество к мужику в гости и чему его выучил...» (99). Слово-маркер «чудо» используется в тексте рассказа всего два раза: в начале речи рассказчика («...я и хочу вам рассказать, как с ним чудо было» — 99) и в описании «первого» чуда — обещания Христа прийти в гости («чуду начало» — 104).

В мотиве чуда особое значение имеет ситуация ожидания, что подтверждается ее протяженностью во времени. Герой много лет живет в ожидании чуда.

«Ждал Тимофей Спасителя на другой день после слова в розовом садике, ждал в третий день, потом в первое воскресенье — но ожидания эти были без исполнения. Долгодневны и еще были его ожидания: на всякий праздник Тимофей все ждал Христа в гости и истомился тревогою, но не ослабевал в уповании, что Господь свое обещание сдержит — придет. Открыл мне Тимофей так, что “всякий день, говорит, я молю: “Ей, гряди, Господи!” — и ожидаю, но не слышу желанного ответа: “Ей, гряду скоро!”»¹⁵ (105);

«Тимофей велел жене с другого же дня ставить за столом лишнее место. Как садятся они за стол пять человек — он, да жена, да трое ребятишек, — всегда у них шестое место и в конце стола почетное, и перед ним большое кресло» (105).

Ситуационный мотив ожидания чуда соотносится с мотивами душевного смятения, тревоги, жажды спасения, поэтому подчеркнуто, что Тимофей ждет *Спасителя*, то есть ждет не просто чуда, но исцеления души.

Мотив ожидания чуда соотносится с образом рассказчика:

«Но в сердце своем я был покоен, потому что виделся мне тут перст Божий. Стал уже он помалу показываться, ну так, верно, и всю руку увидим. Спасет Господь моего друга от греха гнева» (103).

В данном фрагменте обозначена духовная реальность, так как душевное исцеление связывается исключительно с обретением Божией благодати и влиянием Божественных сил. Деятельный характер веры подчеркивается нанизыванием глаголов: *был, виделся, стал, показываться, увидим, спасет*.

В развитии мотива чуда Лесков использует прием нанизывания эпизодов: подряд описываются три чудесных события: обещание Христа прийти в гости к «мужику»; появление старика, дяди Тимофея, в Христово Рождество; его спасение во время метели, что создает эффект присутствия чуда. Хотя герои воспринимают случившиеся события именно как чудесные, читатель, конечно, находит реальное объяснение каждому «чуду». Подобное сочетание точек зрения характерно для рождественско-святочной прозы Лескова. Для писателя главное чудо — человек, душа которого открывается Богу, живому общению с Ним и возрождается к духовной жизни. Заключительная сентенция героя-повествователя закрепляет в сознании читателя именно такое понимание чуда:

«Так научен был мужик устроить в сердце своем ясли для рожденного на земле Христа. И всякое сердце может быть такими яслями, если оно исполнило заповедь: “Любите врагов ваших, благотворите обидевшим вас”¹⁶. Христос придет в это сердце, как в убранный горницу, и сотворит себе там обитель. Ей, гряди, Господи; ей, гряди скоро!» (109).

Параллельно мотиву чуда развивается мотив гостя, который разветвляется на частные мотивы гостевания и гостеприимства и реализуется в христианском душеспасительном и событийно-бытовом сюжетах рассказа.

Мотив гостя, как и мотив чуда, заявлен в заглавии и в оформлении рассказа «старого сибиряка». Он структурирует сказовую ситуацию (что в целом характерно для произведений Лескова¹⁷). В рассказе (сказе) о судьбе Тимофея Осиповича он организует бытовую линию: подразумевается в повествовании о дружбе «сибиряка»-рассказчика и Тимофея Осиповича; реализуется в ситуации ожидания чуда (обещанного прихода в гости Иисуса Христа), в описании подготовки празднования Рождества Христова, в эпизоде появления нежданного гостя (дяди главного героя). Большинство бытовых эпизодов является отражением событий духовной жизни героев, ожидающих «великого гостя».

Первое событие — приглашение Тимофеем Осиповичем Иисуса Христа в гости. В повседневной жизни это этикетный жест, требующий ответной реакции от приглашаемого

и обуславливающий дальнейшие действия по подготовке к приему гостя приглашающего. Вместе с тем приглашение стало событием духовной жизни героя, сочувствующего и сострадающего гонимому Христу-страннику:

«Читает, как Христос пришел в гости к фарисею¹⁸ и Ему не подали даже воды, чтобы омыть ноги. И стало Тимофею нестерпимо обидно за Господа и жаль Его, так жаль, что он заплакал» (103).

В данном эпизоде открываются новые грани души героя: он способен сопереживать и делать добро. Это свойственно христианской культуре, где «...гостеприимство приняло общественный характер, сделалось проявлением добродетели, любви к ближнему»¹⁹. Эмоциональное состояние героя (здесь важны указания на молитву, слезы²⁰) сигнализирует о том, что его душа остается живой, следовательно, у героя есть шанс на спасение.

Дальнейшее поведение Тимофея Осиповича типично в контексте русской бытовой культуры. Его волнуют проблемы этикетного характера. Он хлопочет о том, чтобы ежедневно все было готово к приему: почетное место, прибор, угощение. Ожидая «первого гостя» накануне Рождества Христова, герой также беспокоится о соблюдении этикета: приглашает родных, накрывает праздничный стол, определяет почетное место и др.

В контексте русской бытовой культуры поведение героя естественно и соответствует этикету, характеризующему ментальность и характер русского человека. Гостеприимство — одна из его ценностей. «В русском языке оно (слово «гостеприимство». — Н. С.) обозначается сразу тремя словами *гостеприимство, радушие, хлебосольство*» [Сергеева: 94]. «*Радушие* указывает в первую очередь на любезность и особую приветливость по отношению к гостям <...>. В слове *гостеприимство* — на первом плане готовность человека впустить чужого в свой дом или даже предоставить ему кров. <...> *Хлебосольство* — наиболее специфическое русское качество, а само слово возникло от сочетания слов “хлеб” и “соль” — основы каждодневной жизни» [Сергеева: 94–95]. Традиция гостеприимства в русской культуре тесно связана с христианской этикой гостеприимства, которое составляет

долг верующих и должно проявляться особенно по отношению к бедным и даже — к врагам²¹.

В лесковском произведении раскрываются христианские смыслы гостеприимства. Так, друг (рассказчик) героя советует при встрече Иисуса Христа соблюсти христианские заповеди: «А ты если уповательно ждешь столь великого гостя, зови не своих друзей, а сделай ему угодное товарищество» (106). «Угодное товарищество» — это бедные, нищие, убогие. Тимофей следует совету:

«...сейчас пошлю служающих у меня и сына моего обойти села и звать всех ссыльных — кто в нужде и в бедствии. Явит Господь дивную милость — пожалует, так встретит все по заповеди» (106).

На праздник Рождества в доме Тимофея собираются «бедные поселенцы»:

«Пришли мы в Рождество к Тимофею всей семьей, попозже, как ходят на званный стол. Так он звал, чтобы *всех дожидаться*. Застали большие хоромы его полны людей всякого нашенского, сибирского, засыльного роду. Мужчины и женщины и детское поколение, всякого звания и из разных мест — и российские, и поляки, и чухонской веры. Тимофей собрал всех бедных поселенцев, которые еще с прибытия не оправились на своем хозяйстве. Столы большие, крыты скатертями и всем, чем надобно. Батрачки бегают, квасы и чаши с пирогами расставляют» (курсив мой. — Н. С.) (106).

В полной мере гостеприимство Тимофея становится соответствующим христианской этике в эпизоде встречи врага (дяди): «Аще алчет враг твой — ухлеби его, аще жаждет — напой его»²². Герой поступает по заповеди:

«Тимофей встал, взял его за обе руки и посадил на первое место. А кто он был, этот старик, может быть, вы и сами догадаетесь: это был *враг* Тимофея — дядя, который всего его разорил» (курсив мой. — Н. С.) (108).

Мотив гостя дополняется хронотопическим мотивом порога²³, точнее, его вариантом «гость на пороге». (В рождественско-святочной литературе данный мотив указывает на переломную ситуацию в развитии рождественской истории.) В лесковском тексте мотив «гость на пороге» реализуется

буквально: это человек, появившийся на пороге дома. Однако реальное событие является проявлением Божественного присутствия и реализацией Божественной воли. Мотив «гость на пороге» обозначает не только новый этап в семейной жизни героя, но и символизирует перелом в его духовной жизни, преодоление им противоестественного душевного состояния, вступление на путь исцеления и спасения, обретение мира и покоя.

Писатель подчеркивает мистический характер события, как будто вырывая его из повседневности и будничности:

«...что-то так страшно ударило со двора в стену, что даже все зашаталось, а потом сразу же прошумел шум по широким сеням, и вдруг *двери* в горницу сами вскрылись настежь.

Все люди, сколько тут было, в неопisanном страхе шарахнулись в один угол, а многие упали, и только кои всех смелее на *двери* смотрели. А в *двери на пороге* стоял старый-престарый старик, весь в худом рубище, дрожит и, чтобы не упасть, обеими руками за притолки держится...» (курсив мой. — Н. С.) (107).

В описании выделяется связанный с мотивом порога вещный образ *двери*, которая трижды упоминается в коротком фрагменте, опосредованно — один раз («притолки»). Смысловое наполнение образа *двери* совпадает с содержанием мотива порога: в рассказе *дверь* также символизирует поворотный момент в жизни героев (Тимофея Осиповича и его дяди). Образ *двери* обозначает, во-первых, перемещение из одного места в другое, что проецируется на ситуацию в жизни старика, который обретает кров и семью, завершая свои скитания. Во-вторых, образ *двери* символизирует переход из одного душевного состояния в другое, что, прежде всего, ассоциируется с образом главного героя, вступающего в новую жизнь, освященную и освещенную светом христианского учения.

Образ *двери* у Лескова нюансирован яркой деталью: *двери* «сами вскрылись настежь». Художественная деталь, с одной стороны, указывает на природное явление (сильный порывистый ветер), с другой — придает дополнительные символические смыслы образу *двери* и изображенной ситуации. Распахнутая настежь *дверь* — это настойчивое проявление Божьей воли, это открытость и всеведение Бога, это приглашение в иную жизнь, свободную от искушения и греха.

В христианской символике дверь является символом входа в Царствие небесное (ср. именование Богородицы — «Дверь Спасения», значение Царских врат в храме)²⁴.

Бытовые (вещные) образы двери и порога становятся в рассказе Лескова символами, выявляющими христианское содержание мотивов чуда и гостя.

Глубочайшим смыслом наполнена ситуация, которую условно можно назвать «смена роли» или «я вместо другого». Нищий старик, злейший враг, по воле Христа становится «первым гостем»:

«...кто-то неведомый осиял меня и сказал: “Иди, согрейся на моем месте и поешь из моей чаши”, взял меня за обе руки, и я стал здесь, сам не знаю отколе»;

«Сядь у меня на первом месте — ешь и пей во славу его, и будь в дому моем во всей воле до конца жизни» (108).

В этом эпизоде акцентируется мотив метели («...а в эту мятель сбился с пути и, замерзая, чаял смерти единой. — Но вдруг, — говорит, — кто-то *неведомый* осиял меня...» — 108), ассоциирующийся с мотивом плутания души, который ранее уже был заявлен в рассказе «старого сибиряка» («Разум мой недоумевал, что отвечать Тимофею, и часто я думал, что друг мой загордел и теперь за то путается в напрасном обольщении» — 105), мотивами гонения, скитания, странствия. Они актуализируют евангельский мотив возвращения блудного сына. Заблудшему человеку надо встать и идти в Отчий дом с покаянием, а Отец встретит тогда, когда он будет «еще далеко» (см. Лк. 15:18–20) от дома. Человек должен проявить волю: встать на путь спасения, указанный Богом («встану, пойду к Отцу моему» — Лк. 15:18).

Мотив «возвращения блудного сына» соотносится как с образом дяди, так и с образом Тимофея Осиповича. Каждый герой вернулся в «дом Христа»: старик — раскаявшись в преступлении и грехах, обретя кров; Тимофей — впустив в дом «врага» («...и будь в дому моем во всей воле до конца жизни. С той поры старик так и остался у Тимофея и, умирая, благословил его, а Тимофей стал навсегда мирен в сердце своем» — 109).

Образ дома в лесковском произведении становится многозначным символом, хотя изначально это жилище (строение),

которое обозначает мотив семьи: «Дом вывел, как хоромы хорошие; всем полно, всего вдоволь и от всех в уважении, и жена добрая, а дети здоровые» (100–101). Поэтому читатель может предполагать, что Христос как обычный человек посетит дом Тимофея, сядет в приготовленное хозяином кресло. Тем более что герой готовится к Его приходу как к приходу земного человека, хотя и осознает свою малость: «Господи! Я не достоин, чтобы Ты взшел в дом мой» (108)²⁵.

Образ дома приобретает символическое значение, когда актуализируется мотив сердца: приняв в своем доме врага, герой «стал навсегда мирен в сердце своем» (109). Сердце — дом, в котором поселился Христос. Образ дома-сердца закрепляется в сентенции героя-повествователя:

«Так научен был мужик устроить в сердце своем ясли для рожденного на земле Христа. И всякое сердце может быть такими яслями, если оно исполнило заповедь: “Любите врагов ваших, благотворите обидевшим вас”²⁶. Христос придет в это сердце, как в убранный горницу, и сотворит себе там обитель» (109).

В христианстве сердце — «средоточие всей телесной и духовной жизни человека <...>, существенный орган и ближайшее седалище всех сил, отправлений, движений, желаний, чувствований и мыслей человека со всеми их направлениями и оттенками» [Юркевич: 69]. В лесковском произведении семантическое пространство образа сердца центрируется вокруг образа дома: это кров, семейный очаг, уют, горница, обитель для Господа. В образе дома важны и собственно рождественские смыслы, на которые указывает мотив празднования Рождества Христова и образ яслей, ставших приютом для рожденного Пресвятой Девой Христа (Лк. 2:7).

Мотивы и образы в рассказе «Христос в гостях у мужика» формируют христианскую семантику текста. В свою очередь, текст придает символическое значение тем мотивам, которые при первом прочтении воспринимаются сугубо житейскими или бытовыми²⁷. Например, мотивы чтения, дружбы, семьи, взаимоотношения поколений, празднования и др. Христианский текст сообщает им дополнительные смыслы, вызывает в сознании читателя ассоциации с библейскими сюжетами, мотивами и образами.

Парадигму восприятия лесковского текста в христианском контексте задает образ Христа, содержание которого формируется с заглавия рассказа — «Христос в гостях у мужика». Само имя Христа вызывает в памяти читателя важнейшие религиозные смыслы. Христос — символ христианства, веры, искупления грехов и спасения, символ обновленного человечества. Вместе с тем писатель, создавая образ Спасителя в рассказе, актуализирует идеи, мотивы и образы, необходимые для воплощения его художественного замысла.

В этом отношении в названии произведения функциональны два дополнения: «в гостях» и «мужик». Первое указывает на события, изображенные в произведении, с него начинается формирование мотивов гостя и чуда. Данное дополнение вносит смысловой нюанс в содержание образа Христа: Он — «гость» на земле. Второе дополнение в заголовке — «мужик» — не соответствует социальному статусу героя рассказа: Тимофей Осипович был купцом и стал «поселенцем», ссыльным. Образ мужика в заглавии является обобщенным образом человека из народа, простолюдина, крестьянина²⁸. Смысловым несоответствием между именованием героя и его социальным статусом Лесков как будто подчеркивает свой неизменный интерес к вопросу о своеобразии народной религиозности (см.: [Ангелова-Трынко], [Кретьова, 1999], [Горелов] и др.).

В обрамлении рассказа «старого сибиряка» мотивный комплекс произведения обогащается мотивом учительства. Образ Христа воспринимается как образ Учителя; образ мужика — как образ ученика, внимающего Учителю, постигающего вероучение. Благодаря неустанному наставничеству и отеческому попечению Христа, в народе не угасает живой дух веры. Эта важнейшая для Лескова идея выражается в истории Тимофея Осиповича, с одной стороны, с другой — в постоянном обращении к заповедям Христа.

Образ Христа, Учителя, Наставника, Попечителя, Отца, воплощается в единственном в тексте описании иконы:

«...через плечо старика вперед в хоромину выходит белая, как из снега, рука, и в ней длинная глиняная плошка с огнем — такая, как на беседе Никодима пишется...» (107–108).

В христианстве, как известно, «икона играет роль мистического посредника между миром земным и миром небесным» [Райгородский: 127].

Сюжет упомянутой иконы «Беседа Иисуса Христа с фарисеем Никодимом» основан на евангельской притче о фарисее (Ин. 3:1–21). Очевидно, что Лесков намеренно указывает на эту икону и на соответствующую притчу: в них главная тема — тема духовного возрождения человека, а Иисус Христос предстает в роли Учителя. Согласно толкованию данного евангельского эпизода, «Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Никодим не понял, каким образом человек может родиться для новой жизни, и Христос указывает ему два фактора, под действием которых это новое рождение возможно. Это, во-первых, “вода”...»²⁹. Иисус наставляет фарисея Никодима, убеждая его в том, что «новая духовная, святая жизнь может возникнуть только под действием Духа Божия. Это будет уже действительно возрождение»³⁰.

В кратком описании иконы (как и в описании явления старика в целом) центральным образом-символом является образ «белой руки». (Заметим, что ранее рука и перст Божии упоминались в сказе «старого сибиряка»: «...виделся мне тут перст Божий. Стал уже он помалу показываться, ну так, верно, и всю руку увидим» — 103.)

Известен иконописный образ руки — десницы Божией, появляющейся из облаков. Образы «белой руки» и «перста Божия» в рассказе Лескова связаны с образом Христа-Учителя: они символизируют указующую и направляющую функции Бога. В конкретном эпизоде образ руки свидетельствует о присутствии Бога в доме героя и об учительской миссии Христа в его судьбе.

Символика света и оппозиции «свет — тьма», «добро — зло» в евангельской притче о Никодиме, в ее иконописном воплощении и в лесковской словесной иконографии также проецируются на историю героя рассказа. (Ср.: в беседе с Никодимом Иисус говорит: «Суд же состоит в том, что свет

пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы» (Ин. 3:19) и др.)

Образ «глиняной плитки с огнем — такой, как на беседе Никодима пишется» (108) — также символичен. На иконах, воспроизводящих евангельский сюжет о Никодиме, изображается тонкая, с прямо горящим и неподвижным огнем свеча. В лесковском тексте подчеркнуто, что «ветер с вьюгой с надворья рвет, а огня не колышет» (108). Иконописный образ и образ, созданный Лесковым, символизируют истинность и непоколебимость учения Христа и веры христианина. Образ огня ассоциируется с образом сердца-обитали Христа, поскольку «Благодатное слово Божие действует в сердце *яко огонь горящий*» (Иер. 20, 9); сердце воспламеняется и горит, когда к нему прикасается луч божественного слова (Лк. 24, 32)» [Юркевич: 71].

Еще один образ-символ, важный в создании образа Христа, — образ чаши, возникающий при чтении заключительного фрагмента рассказа «старого сибиряка». Чаша — символ страданий Христа, искупившего грехи человечества. Образ чаши, наряду с другими образами, выступает маркером сюжетообразующего мотива «спуститься, чтобы вознестись».

В рассказе Лескова многочисленные христианские мотивы и образы создают символический план повествования, выявляют божественные свойства Христа: «вездеприсутствие»³¹ (заметим, что мотив гостя логично расширяется в своем смысловом наполнении до мотива вездеприсутствия Христа), «всеведение», «всемогущество»³². Христос несет в мир свет, правду и любовь, которые также являются его божественными свойствами³³.

Таким образом, в лесковском произведении христианские мотивы, образы и символы раскрывают смысл учения Иисуса Христа, идею спасения человека, бессмертия его души. Толкование символических образов и мотивов рассказа умело направляется писателем: Лесков создает текст, в котором христианские мотивы, образы, символы соотносятся друг с другом, поддерживают друг друга, подсказывая читателю путь к формированию своего «контекста понимания».

Христианский смысл рассказа «Христос в гостях у мужика» заставляет обратить внимание на кажущееся таким простым

и однозначным посвящение — «христианским детям». Думается, Н. С. Лесков адресовал рассказ не только и не столько маленьким читателям. «Христианские дети» — все, кто пришел к Отцу, к Богу, к Иисусу Христу; все, кто сотворил в сердце своем для Него обитель, кто душой воспринял «вселение Бога, Который ради нее претерпел наши страдания...»³⁴.

Примечания

- ¹ Рассказ впервые после 1917 г. был опубликован в издании: Лесков Н. С. Христос в гостях у мужика / публ., вступ. ст. (с. 23–24) Н. Н. Старыгиной // Литература в школе. М., 1992. № 5–6. С. 24–27.
- ² «Контекст понимания» определяется «*типами культур, типами ментальностей*, которые оказывают глубинное воздействие на создание и функционирование того или иного произведения искусства» (курсив мой. — Н. С.) [Есаулов: 4].
- ³ Лесков Н. С. Христос в гостях у мужика // Лесков Н. С. Левша: повести и рассказы / сост., предисл. и коммент. Н. Старыгиной; худож. А. Тюрин. М.: Астрель: АСТ, 2006. С. 100. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁴ «Сочувствие — это чувство, которое вызывается пониманием того, что другой человек находится в плохом состоянии и из-за этого испытывает негативные эмоции» [Гладкова: 176].
- ⁵ Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1913. Т. 1. Стб. 690 (Репринт. издание). Ср.: Деян. 2:23.
- ⁷ Ср.: «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...» (Мф. 5:44).
- ⁸ Цит. по: Творение мира и человека. М.: Синодальная типография, 1908. С. 56.
- ⁹ См. о грехопадении: Алипий (Кастальский-Бороздин), архим., Исайя (Белов), архим. Догматическое богословие: курс лекций. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994. С. 232–253.
- ¹⁰ См. подробнее: Варнава, еп. (Беляев). Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики. Нижний Новгород: Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 1995. Т. 1. С. 239–344.
- ¹¹ Исаак Сирин, прп. Слова подвижнические. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2008. С. 40 [Электронный ресурс]. URL: azbyka.ru/otechnik/books/original/10209-Слова-подвижнические.pdf (15.01.2020)
- ¹² Там же. С. 31.
- ¹³ Подчеркнем, что немаловажным и традиционным для русской православной культуры фактом является ситуация покаяния «на миру»: Тимофей Осипович покаялся в «грехе гнева» «при всех». Образ героя демонстрирует соответствующий православному менталитету тип соборной личности (см.: [Есаулов]).

- ¹⁴ Христианские мотивы чуда, спасения и дара в рассказе «Христос в гостях у мужика» А. А. Кретьова рассматривает в контексте проблемы сверхъестественного в святочной прозе писателя (см.: [Кретьова, 1998]).
- ¹⁵ Ср.: «Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22:20).
- ¹⁶ Ср.: Лк. 6:27, Мф. 5:44.
- ¹⁷ См. подробнее: [Старыгина].
- ¹⁸ Ср.: Лк. 7:36–50.
- ¹⁹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. Стб. 664.
- ²⁰ В христианской культурной традиции слезы символизируют восхождение молящегося к Богу, «собрание» человека в соединении ума и сердца, души и тела: «Первые плоды молитвы заключаются во внимании, умилении или в плаче. Слезы на молитве, это признак Божией милости. Затем открывается зрение своих согрешений, потом является ощущение присутствия Божия, ясное понимание смерти, страх суда и осуждения. Все эти плоды молитвы сопровождаются плачем, потом приходит ощущение тишины, смирения, любви к Богу и ближним, ко всем, без различия добрых от злых, терпение скорбей <...>. Тогда слезы претворяются из горьких в сладостные и начинает ощущаться духовное утешение, несравнимое с радостями земными» (Изложение учения православной церкви о Божией Матери / сост. свт. Игнатий Брянчанинов. СПб.: Общество «Радонеж», 1990. С. 8).
- ²¹ См.: Практическая симфония для проповедников Слова Божия / сост. Гр. Дьяченко. М.: Изд-во товарищества И. Д. Сытина, 1903. С. 39–40 (Репринт. издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992).
- ²² Ср.: «...если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его» (Рим. 12:20).
- ²³ М. М. Бахтин характеризует мотив порога следующим образом: «...он может сочетаться и с мотивом встречи, но наиболее существенное его восполнение — это хронотоп кризиса и жизненного перелома. Самое слово “порог” уже в речевой жизни (наряду с реальным значением) получило метафорическое значение и сочеталось с моментом перелома в жизни, кризиса, меняющего жизнь решения (или нерешительности, боязни переступить порог). В литературе хронотоп порога всегда метафоричен и символичен...» [Бахтин, 1975: 494].
- ²⁴ См. подробнее: Дверь // Энциклопедия знаков и символов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%94%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%8C> (15.01.2020)
- ²⁵ Ср.: «Господи! я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой...» (Мф. 8:8).
- ²⁶ Ср.: Лк. 6:27, Мф. 5:44.
- ²⁷ П. Рикёр отмечал, что значение имеет два смысла: «...один — прямой, первичный, буквальный, означающий одновременно и другой — косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый» [Рикёр: 18].

- ²⁸ Семантику слова см.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981. Т. 2: И–О. С. 357 (Репринт. издание).
- ²⁹ Лопухин А. П. Толкование на Евангелие от Иоанна // Лопухин А. П. Толковая Библия [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_54/3 (15.01.2020)
- ³⁰ Там же. См. также: Аверкий (Таушев), архиеп. Беседа Господа Иисуса Христа с Никодимом // Аверкий (Таушев), архиеп. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. Четвероевангелие. Джорданвилль, Свято-Троицкий монастырь. 1954 [Электронный ресурс]. URL: <http://blogs.pravostok.ru/katehumen/?p=1287> (15.01.2020)
- ³¹ Алипий (Кастальский-Бороздин), архим., Исайя (Белов), архим. Догматическое богословие. С. 82–84.
- ³² Там же. С. 89–92.
- ³³ См.: Там же. С. 92–101.
- ³⁴ Творения преподобного Максима Исповедника. М.: Мартис, 1993. Книга 1. Богословские и аскетические трактаты / пер., вступ. ст. и коммент. А. И. Сидорова. С. 261–262.

Список литературы

1. Ангелова-Трынко А. В. Русский человек в мире Н. С. Лескова / научн. ред. В. В. Андреев. — Воронеж: ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», 2014. — 252 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. — 504 с.
3. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 361–373.
4. Гладкова А. Н. Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 304 с.
5. Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. — М.: Наука, 1988. — 296 с.
6. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1995. — 288 с.
7. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: исследование: в 2 т. — М.: ТОО «Рарогъ», 1993. — Т. 1. — 448 с. (а)
8. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. — М.: Русская книга, 1993. — Т. 1. — С. 39–285. (б)
9. Кретьова А. А. Христианские заповеди в святочных рассказах Н. С. Лескова «Христос в гостях у мужика», «Под Рождество обидели» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — Вып. 2. — С. 471–478 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/journal/article_en.php?id=2542 (15.01.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2542
10. Кретьова А. А. «Будьте совершенны...» (Религиозно-нравственные искания в святочном творчестве Н. С. Лескова и его современников). —

- М., Орел: Изд-во Орловск. ун-та, 1999. — 304 с.
11. Райгородский Л. Д. Иконопись и живопись. Икона и картина // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 15. — СПб., 2014. — Вып. 1. — С. 126–138 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ikonopis-i-zhivopis-ikony-i-kartiny/viewer> (15.01.2020).
 12. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И. С. Вдовина. — М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 1995. — 624 с.
 13. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 320 с.
 14. Старыгина Н. Н. Разновидности сказовой ситуации в циклах Н. С. Лескова // Вестник лаборатории аналитической филологии. — Йошкар-Ола, 2012. — Вып. 5. — С. 105–131.
 15. Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // Юркевич П. Д. Философские произведения. — М.: Правда, 1990. — С. 69–104.

Natalya N. Starygina

*Volga State Technological University
(Yoshkar-Ola, Russian Federation)*

starigina@yandex.ru

Christian Semantics of the Story *Christ Visits a Peasant by Nikolay Leskov*

Abstract. The article reveals the Christian meaning of the story *Christ Visits a Peasant* by Nikolay Leskov. Intended for children's reading, the story is unique in its ability to open new semantic horizons, which makes the work interesting for readers of any age. The plot-forming motif "to descend in order to ascend" can be interpreted as a motif of spiritual rebirth (or healing). The hero-narrator reproduces the story of the main character's spiritual struggle, the meaning of which is revealed in the context of the Christian teaching about the spiritual dispensation. The story forms a system of Christian motifs (sin, forgiveness, the return of the prodigal son, meeting with God, the heart, etc.), indicated by precise instructions and allusions to biblical stories, images and symbols. In the motif complex of Leskov's story, the traditional Christmas and Yuletide prose motifs of miracle, teaching, threshold, meeting, guest, path, and home are organic. Creating the image of Christ, the writer reveals his divine properties with the help of numerous symbols: "white hand", "the divine fate", light, Cup, candle, Christmas cribs, monastery, etc. In the context of Christian content, everyday motifs of family, friendship, reading, generations, etc., everyday events (building a house, celebrating the Nativity of Christ, reading books, traveling, etc.) acquire symbolic meaning. In the everyday life of the characters, spiritual reality manifests itself. Leskov teaches his reader to see the spiritual world behind habitual everyday phenomena, events, and relationships.

Keywords: Leskov, text, Christianity, reader, inner world, symbolism, motif, plot, image

About the author: *Starygina Natalya N.* — Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Volga State Technological University (pl. Lenina 3, Yoshkar-Ola, The Mari El Republic, 424000, Russian Federation)

Received: February 3, 2020

Date of publication: May 25, 2020

For citation: Starygina N. N. Christian Semantics of the Story “Christ Visits a Peasant” by Nikolay Leskov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 238–259. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8362 (In Russ.)

References

1. Angelova-Trynko A. V. *Russkiy chelovek v mire N. S. Leskova: monografiya [Russian Man in the World of N. S. Leskov: Monograph]*. Voronezh, The Zhukovsky — Gagarin Air Force Academy Publ., 2014. 252 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki [Questions of Literature and Aesthetics]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)
3. Bakhtin M. M. On the Methodology of the Humanities. In: *Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Bakhtin M. M. Aesthetics of Verbal Creation]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 361–373. (In Russ.)
4. Gladkova A. N. *Russkaya kul'turnaya semantika: emotsii, tsennosti, zhiznennyye ustanovki [Russian Cultural Semantics: Emotions, Values, Life Principles]*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2010. 304 p. (In Russ.)
5. Gorelov A. A. *N. S. Leskov i narodnaya kul'tura [N. S. Leskov and Folk Culture]*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 296 p. (In Russ.)
6. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature [The Category of Sobornost' in Russian Literature]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 288 p. (In Russ.)
7. Il'in I. A. *Aksiomy religioznogo opyta: issledovanie: v 2 tomakh [Axioms of Religious Experience: Research Paper: in 2 Vols]*. Moscow, Rarog Publ., 1993, vol. 1. 448 p. (In Russ.) (a)
8. Ilyin I. A. The Way of Spiritual Renewal. In: *Il'in I. A. Sobranie sochineniy: v 10 tomakh [Ilyin I. A. Collected Works: in 10 Vols]*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1993, vol. 1, pp. 39–285. (In Russ.) (b)
9. Kretova A. A. Christian Commandments in Nikolai Leskov's Christmas Stories “Christ Visits a Peasant” and Offended Before Christmas. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 2, pp. 471–478. Available at: https://poetica.pro/journal/article_en.php?id=2542 (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2542 (In Russ.)
10. Kretova A. A. «Bud'te sovershenny...» (*Religiozno-nravstvennyye iskaniya v svyatochnom tvorchestve N. S. Leskova i ego sovremennikov*) [“Be Perfect...” (*Religious and Moral Strivings in the Holy Works of N. S. Leskov and His*

- Contemporaries*]. Moscow, Orel, Izdatel'stvo Orlovskogo universiteta Publ., 1999. 304 p. (In Russ.)
11. Raygorodskiy L. D. Iconography and Painting. An Icon and a Painting. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 15* [*Bulletin of Saint Petersburg State University. Ser. 15*]. St. Petersburg, 2014, issue 1, pp. 126–138. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ikonopis-i-zhivopis-ikony-i-kartiny/viewer> (accessed on January 15, 2020). (In Russ.)
 12. Ricoeur P. *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike* [*The Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics*]. Moscow, Canon-Press-TS Publ., Kuchkovo pole Publ., 1995. 624 p. (In Russ.)
 13. Sergeeva A. V. *Russkie: stereotypy povedeniya, traditsii, mental'nost'* [*Russians: Stereotypes of Behavior, Traditions, Mentality*]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2007. 320 p. (In Russ.)
 14. Starygina N. N. Varieties of Fantastic Situations in the Cycles of N. S. Leskov. In: *Vestnik laboratorii analiticheskoy filologii* [*Bulletin of the Laboratory of Analytical Philology*]. Yoshkar-Ola, 2012, issue 5, pp. 105–131. (In Russ.)
 15. Yurkevich P. D. The Heart and Its Significance in the Spiritual Life of Man, According to the Teachings of the Word of God. In: *Yurkevich P. D. Filosofskie proizvedeniya* [*Yurkevich P. D. Philosophical Works*]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 69–104. (In Russ.)